

КРАСНАЯ НИВА

№ 264
11
~~№ 298~~
~~14~~

13

Е. Ланский

Рис. для «Красной Нивы» Е. Ланский

Артем Веселый

О черк

С. Пакентрейгер

На одном литературном вечере Артем Веселый зачитал отрывки нового романа «Россия, кровью умытая». Кто-то из слушателей, выражая хвалу сочному языку, необузданной образности молодого автора, отметил вместе с тем «бесхозяйственность» в отборе людей, картин, в архитектуре и строении его работ. В этом определении есть, конечно, доля правды, но и эта доля—только в похвалу молодому автору. От искусства Веселого («Реки огненные», «Вольница», «Дикое сердце», «Страна родная», «Россия, кровью умытая») веет полководцем, стремительным, диким, разыгравшимся полководцем, не знающим удержу и остановки. И если полководце можно назвать бесхозяйственным, то только в похвалу, а не в порицание стихии. Артем—стихиен. Это верно. Он гонит, кружит, выхри слова и обороты, пытается полновочувственнее передать свои художественные страсти. Эта тяга к вихревому стилю питалась на первых порах пристрастием Артема к вихревым людям, к ураганам, к событиям, к вздыбленным ярой стихией явлениям.

Но облик молодого автора, художественные потоки которого низвергались на читателя дикими водопадами, значительно видоизменился. Веселый делает попытки—и не безуспешные—сковать свои безудержные водопады, направить их по мощному, выверенному руслу, найти такую оправу, которая, не стесняя игры стихии, давала бы наиболее целесообразный и художественный и общественный эффект.

Об этих поисках скажем ниже.

Несколькими словами очертим биографию молодого автора. Жизнь свою Веселый ввел в организованное русло, когда стал сначала работником революции, а затем, когда со «спокойным азартом», держа на чеку все свои контролируемые способности, приступил к большим художественным опытам, многообещающим и полным органического своеобразия.

Артем—сын волжского крючника. Слободской парнишка рано приобщился к борьбе за существование и к 15—16 годам окунулся в черную работу на трубном заводе в Самаре. В одном из ранних своих рассказов «Первая получка» он изобразил, как в искаженной, пропахшей водочной гарью и каторжным трудом, обстановке пробуждается радостное чувство принадлежности к рабочему люду. В полуподвал возвращается с работы отец, человек крутой и жестокий. Возвращается пьяный, разуается, и кричит сыну Кирилке, лежащему на печи:

— Корись отцу! Целуй ноги!

Кирилка не повинуется. Отец тащит его с печи, но сын увильзает из рук отца, крепких, как весла, и убегает к пильщикам. Живет с ними одно время в бросовых банях. Один из пильщиков устраивает его на заводе. Проработал Кирилка неделю. Получил рубль двадцать серебром. На двугривенный хватил горькой. Пришел домой и говорит отцу:

— Тять, рабочий я человек—получай!—и бросил ему серебряный рубль

Одно время Веселого увлекла окраинная слободская гольгота. Он написал даже рассказ из жизни жуликов и воров. Отослал его в журнал «Жизнь и Суд». По его отроческому представлению, журналом этим должны были руководить преступники и вору. Сообщил редакции, что в случае нужды и в дальнейшем будет снабжать журнал такими же рассказами, но ответ получил только к началу революции, в которую окунулся с головой.

Был он одно время и в анархической группе. Рабочее происхождение и рабочее окружение взяли свое. Он приобщился к работе подпольного кружка, организованного большевиками незадолго до конца войны. С 1-го марта 1917 года вошел в партию. 2½ года провел бойцом на фронтах, был ранен в ногу и руку.

Артем Веселый

Был потом предукомом в г. Мелекесе, который изобразил в «Стране родной» под названием Клювкин. Состоял членом редколлегии «Приволжской Правды», членом редколлегии Тульского «Коммунара», редактором газеты в поезде имени Калинина, редактором «Красные казаки» в поезде ВЦИК.

Необузданное воображение проснулось в нем рано. В юности он написал фантастическую повесть о разбойниках, в годы гражданской войны—пьесу «Разрыв травы», драму «Мы», но от ранних своих работ отказался.

Буйный талант его получил закал в кровавой битве, в схватке старой и новой России. Революционная «жизнь» пленяла, обольщала молодой и зоркий взгляд. Он запечатлевал фигуры ураганные, деклассированные, анархические, которых революция либо ставила себе на службу в первой карающей, разрушительной стадии, либо выбрасывала из оборота, как негодных.

В «Реках огненных» он обрывает рассказ о «цахрапистых, сноровистых» ребятах в тот момент, когда судебная комиссия «по очистке элементов» выбрасывает их из команды. «Вольницу» заканчивает историей целой ватаги парней «оторви да брось», удравших с фронта на часок—другой в город, чтобы погулять и отвести душу. Но они возвращаются на фронт революции, которая вовлекла, обуздала их и использовала их вихревую энергию для классовых целей своих.

Внутренняя обрисовка стихийных людей и начал нашла свое внешнее выражение в стремительном словесном и звуковом потоке, обусловила «озорной», на первый взгляд, словарь Веселого.

Он почти хищнически пользовался «дикими» сравнениями, образами, словесными ухищрениями.

Стихия торжествовала у него не только в природе, но и над людьми, митингами, собраниями. Стихия подобралась даже к машине и вот-вот готова опрокинуть ее. Как передать эту стихию? Как схватить темп, быстроту, дыхание ее? Молодой беллетрист вздыбил, разогнал, разметал слова по полям и дорогам своих художественных страниц. Чем дальше, тем сдержаннее и организованнее становится Артем Веселый. В романе—«Страна родная» сказывается некоторая степень спокойной зрелости и роста. Куда больше продуманности, «хозяйственности» в отборе фигур, в жизненной емкости затронутой темы, в словесном и образном материале. Его молодая ищущая художественная мысль получает крепкий социальный упор. Он начинает прощупывать фигуры и начала организованные и ту среду, которая эту организованность питала.

Он не увлекается так своими ураганными героями, умеет развенчать их. И часто развенчивает. Развенчивает потому, что понял бессилие их силы.

Для осуждения ярой, лютой, но внутренней-обреченной силы стихии он нашел и мощный образ: столкновение быка с маршрутом. С одной стороны, этот образ собранным светом освещает всю суть романа. С другой—дает зеркальное отображение бешеной схватки между вздыбленными деревнями и организованным городом Клювкиным.

В этом образе скрыт весь замысел романа. В решительные минуты, на подеме маршруты революции остановиться уже не могут.

Артем Веселый пытается сочетать подбор и передачу отдельных фигур с изображением огульных, множественных явлений, вещей и событий.

Действующими лицами в большей мере являются массовидные явления: деревни, волости, казармы, избы, дома, улицы, заводы, уезды, город, переданные огулом, скопом, потоками.

«Волость понесла, как развожженная лошадь». «Молодая деревня отгуливала оставшие денки». «Обглоданная старая деревня ползла по околице». «Улицы кувырком». Не только такими описательными приемами передает Артем огулы и скопы. У него они перекликаются, разговаривают, действуют.

Художественные поиски его идут в ногу с революционным временем, которое из «яло из оборота отдельных «героев». Он жадно ищет такие художественные формулы, такие изобразительные приемы, которые дали бы эстетически почувствовать читателю, что жизнь преобразовывалась и строилась не единицами—большими или малыми, а суммами людей, множествами, скопами, коллективами.

Очень большое бремя выпало на долю этого упорного искателя. Дать образ больших количеств в деревнях, в станциях, на фабриках, в городах—это значит опрокинуть каноны в искусстве. Это дерзость, но дерзость, диктуемая эпохой, характером времени, события которого создавались не отдельными людьми, а их об'единениями, организованными и стихийными.

Искусство Веселого несет с собой сочный, как грозди, язык, юмор, окрашенный мощью и неисчерпаемой жизнерадостностью грудовых масс, и, самое главное, попытки перестроения художественных канонов в области типичных обобщений.